

В ОЖИДАНИИ «СУПЕРПРОЕКТА»: ОРИЕНТИРЫ ТУРЕЦКОЙ МЕЧЕТИ

Е.И. КОНОНЕНКО

Кандидат искусствоведения
Государственный институт
искусствознания

Ключевые слова: Турция, площадь Таксим, современная мечеть, архитектура, государство и ислам, османская традиция, творческие конкурсы

Только утихли бурные выступления жителей Стамбула на площади Таксим в июне-июле 2013 г., вызванные, по официальной версии, вырубкой парка Гези, как в Интернете, в т.ч. и русскоязычном, стал активно обсуждаться вопрос: а зачем этот парк вообще надо было вырубать? На ряде исламских сайтов появились статьи об утверждении проекта строительства мечети именно на Таксима, возведение которой, по словам ее архитектора Ахмета Вефика Альпа, ранее планировалось именно на месте парка Гези [1].

Разговоры о сооружении мечети на Таксима ведутся уже давно, и всегда находили как сторонников, так и противников, неизбежно политизируясь и превращаясь в актуальную для современной Турции дискуссию «республика и ислам». Понятно, что «мечеть на Таксима» - не только очередное культовое сооружение, но, прежде всего, символ взаимоотношений государства и ислама.

Нас, однако, интересует не политический резонанс событий на Таксима, а архитектурное будущее турецкой мечети - какой она

должна стать в XXI в. и каким памятником может быть украшена главная площадь Стамбула?

Учитывая знаковую площадь Таксим, мечеть, которая может здесь появиться, окажется неким «суперпроектом», который превратится в архитектурный символ турецкого ислама и наверняка окажется образцом для многочисленных подражаний.

ВЫБОР ОРИЕНТИРОВ

Провозглашенная в 1923 г., Турецкая Республика однозначно декларировала свою светскость и в результате ряда реформ (ликвидация Халифата, отмена шариатского суда, реформа образования, переход на григори-

анский календарь и латинский алфавит) сформировала своеобразную систему «государственного ислама», действия которого «вне мечети» строго лимитировались, а деятельность всех религиозных организаций ставилась под контроль специального Ведомства по делам религий [2].

При внешне уважительном, но непреклонно-отстраненном отношении государства к исламу единичные мечети, появлявшиеся в 1920-1930-х гг., возводились без государственной поддержки по неоосманским проектам, выполненным еще в начале XX в. в стамбульской Академии изящных искусств - единственном учебном заведении, готовившем архитекторов. Магистральная же линия развития турецкой архитектуры опиралась на изучение опыта Запада, что привело к появлению *yeni mimari* - «новой архитектуры», образцом для которой стал европейский модерн.

Реализация принципов светского государства на несколько десятилетий исключила культовое строительство и из архитектурной практики, и из программ обучения молодых архитекторов. Возвращение мечети в турецкую архитектуру произошло только после Второй мировой войны на волне либерализации общественной жизни.

Самый масштабный и общественно значимый «суперпроект» культовой архитектуры Турции в послевоенное время - это, безусловно, возведение Большой мечети в Анкаре. Идея ее строительства возникла еще в начале 1940-х гг., что демонстрирует, с одной стороны, реальную необходимость увеличения числа мест для молитвы в растущем городе, и с другой - возможность декларирования столицей Республики уважения интересов мусульманского населения.

Созданная в 1944 г. при учас-

Мечеть на Таксима: один из конкурсных вариантов.

Мечеть Шишли, Стамбул (1949 г., арх. В.Эгели).

тии Министерства по делам религии, общественная организация сформулировала задачи и приоритеты строительства и через три года объявила первый конкурс проектов, ни один из которых, правда, одобрен не был, - не в последнюю очередь из-за непонимания того, какой же должна быть главная мечеть новой Турции. Дальше конкурса проектов дело тогда не пошло, а тем временем эстафету «возрождения турецкой мечети» перехватил Стамбул.

В 1945 г. начинается строительство «соборной» мечети (*джамии*) в Шишли - быстро растущем квартале на севере европейской части Стамбула. Мечеть возводилась исключительно на частные пожертвования. Шишли-*джами* оказалась первой мечетью, построенной в Стамбуле с момента провозглашения Республики, а потому особенно важным был выбор и архитектурного ориентира, и исполнителя для памятника, открывавшего новую главу в истории турецкой культовой архитектуры.

У молодых республиканских архитекторов опыта строительства зданий мечети - во всяком случае, столь масштабных и имевших градостроительное значение - просто неоткуда было взяться. Автором Шишли-*джамии* стал В.Эгели (1890-1962), выпускник Академии изящных искусств 1913 г., признанный мастер еще первой волны неосманских архитектурных поисков начала XX в.

Понятно обращение к «золотому веку» Османов в поисках

образца для Шишли-*джамии* к архитектуре XVI-XVII вв. Даже внешняя отсылка к эпохе могущества турок оказывается соответствующей настроению, обусловленному окончанием Второй мировой войны. Не последнюю роль могло сыграть также желание «вписать» новый район в образ «старого» Стамбула. И академическое образование Эгели, и его практика реставра-

тора классических османских мечетей прекрасно соответствовали данным задачам. Сооружение оказалось эклектичным симбиозом классической планировки, раннеосманской декорации, элементов позднеосманской архитектуры, псевдобарочных и «неоклассических» деталей интерьера.

Возведение Шишли-*джамии*, а также сам факт ее появления, подтвердили возможность дальнейшего развития самой темы мусульманского культового здания в архитектуре республиканской Турции. Еще более показательным в этом аспекте оказывается появление мечетей в столице Республики.

В 1944-1953 гг. Анкара реализует другую, более репрезентативную и значимую для государства архитектурную задачу - Аныткабир, грандиозный мемориальный комплекс Ататюрка, расцениваемый в турецкой историографии как символ архитектуры Республики [3]. Однако сразу после окончания строительства Аныткабира, недалеко от него, была возведена небольшая мечеть Мальтепе (1954-1959, арх. Р.Акчай), отчасти компенсировавшая отложенную реализацию идеи большой городской мечети и подготавливавшая убежденных кемалистов к ее появлению в Анкаре.

Рядом с мавзолеем Ататюрка вполне традиционное здание мечети Мальтепе выглядит архитектурным анахронизмом, но именно это делает его показательным памятником нового этапа поисков национального стиля. Архитектор и в планировке, и в конструкции, и в декорации ориентировался на некий «типовой

образ» небольших мечетей XVI-XIX вв.

Мальтепе-*джами* оказалась стандартной стилизацией под османскую мечеть, и даже ее облицовка серо-желтым камнем «работает» на восприятие здания как сооружения «дореволюционной» постройки, будто компенсируя отсутствие в некогда провинциальной Анкаре османских мечетей. Подобная откровенная имитация образов, «назначенных» символами национальной архитектуры, характерна не только для культовой, но и для общественной архитектуры и даже для послевоенного жилищного строительства.

ХОРОШО ЗАБЫТОЕ НОВОЕ

На рубеже 1950-х - 1960-х гг. «современная мечеть» становится популярной и в архитектурном, и в социологическом аспекте темой интернационального стиля [4], инспирированной привлекательным по целому ряду параметров (градостроительные задачи, масштабность, ансамблевость, культурно-исторические коннотации, традиционные материалы) заказом правительств мусульманских стран. Наиболее крупным в этом ряду был грандиозный «Багдадский проект»*, привлечший многих европейских мастеров [5]. Западные архитекторы плодотворно работали в Индии, Бангладеш, Малайзии, Брунее, Пакистане. И конкурс проектов мечети для Анкары легко вписывается в этот перечень с той, правда, разницей, что предпочтение было отдано проекту молодых турецких архитекторов - В.Далокаю и Н.Текелиоглу.

Если многие государства Востока при реализации крупных государственных проектов вынужденно обращались к опыту иностранцев, Турция к 1950-м гг. имела целое поколение национальных архитекторов, обучавшихся у приглашенных мастеров или же стажировавшихся в Европе. Более того, архитектурные факультеты турецких вузов уже имели турецких же преподавателей, прекрасно знавших основные тренды мировой архитектуры. Частные архитектурные ателье не только успешно конкурировали с европейскими при получении за-

* Материалы проекта экспонировались на международной выставке «Город миражей: Багдад (1952-1982)» в Барселоне, Нью-Йорке, Бостоне (2012-2013).

казов, но ощутимо ограничивали строительную деятельность иностранцев, особенно после создания в 1954 г. Палаты архитекторов, контролировавшей соблюдение принятых ею же стандартов строительства. В последующие десятилетия турецкие архитекторы уже позволяют себе участвовать в международных конкурсах, и именно их проекты мусульманских сооружений оказались наиболее востребованными в ряде азиатских стран, прежде всего - в Индии и Пакистане.

Далокай и Текелиоглу предложили современному городу проект современной мечети, используя композицию и элементы традиционного образа: квадратный в плане молитвенный зал, сферическое перекрытие, портик с севера, четыре минарета по углам. Однако каждый из этих элементов оказался трансформирован в соответствии с концепциями интернационального стиля: купольное перекрытие стало одновременно и несущей конструкцией здания, что позволило сделать стены стеклянными, а портик превратился в вестибюль, поднятый над двором на столбах.

Несмотря на резкую критику (поводом для которой, в частности, служили минареты, слишком напоминавшие ракеты), идея необычного образа как нового символа столицы Республики не только была одобрена, но и начала воплощаться в жизнь. Однако уже на этапе закладки фундамента реализация проекта была приостановлена.

Итогом дискуссии на тему «Интернационализм или регионализм?», увлекшей турецкую интеллигенцию на рубеже 1950-х - 1960-х гг., стал выбор именно последнего варианта - по крайней мере, в тех случаях, когда право выбора оставалось за правительственными инстанциями. После военного переворота 1960 г. перед новым поколением конкурсантов была поставлена четкая задача ориентации именно на национальную традицию.

Отказавшись от дальнейшего участия в конкурсе, Далокай переработал свой проект и в 1969 г. представил его на конкурс проектов «национальной мечети Пакистана». Именно этот проект и был реализован в 1976-1986 гг. как мечеть короля Фейсала в Исламабаде. Форма ее молитвенного зала часто сравнивается с бедуинской палаткой, растянутой на че-

Мечеть Коджатеппе. Проект В.Далокая и Н.Текелиоглу.

тырех устоях, а пропорции ограниченного тонкими турецкими минаретами пространства сам Далокай уподоблял «воображаемому кубу Каабы» [6].

Реализованный в мечети Фейсала проект В.Далокая сложно представить в качестве доминанты Анкары, однако отдельные элементы «пакистанского проекта» были активно использованы в небольших мечетях, возводимых в Турции на рубеже XX-XXI вв., что демонстрирует и хорошее знание этого памятника турецкими архитекторами, и восприятие его как значимого «суперпроекта».

Судьба анкарского проекта Далокая-Текелиоглу показывает, что обращение к интернациональному стилю применительно к архитектуре мечети встречало, во всяком случае, на уровне турецкого «госзаказа», серьезные препятствия. Возрождение «большой мечети» требовало более привычного, традиционного воплощения. Эти препятствия легко преодолевались в «частном заказе», вполне допускавшем неожиданные обращения к модным архитектурным тенденциям, что демонстрируют, например, «клубная» мечеть на острове Кыналыада в Мраморном море, построенная в 1956-1964 гг. как часть клуба водных видов спорта, или мечеть в городском парке горodka Деринкую в Каппадокии, спланированная и возведенная скульптором Х.Атамюлю, кстати, мэром города.

НОВЫЙ СИМВОЛ СТОЛИЦЫ

Между тем, Анкара по-прежнему нуждалась в Большой мечети. После нескольких туров нового конкурса, условием которого стало использование готовых конструкций мечети Далокая, к 1967 г. был окончательно утвержден проект Хусрева Тайла, имевшего диплом историка искусства Стамбульского университета и опыт реставрации османских памятников. Его проект мечети Коджатеппе пресса сразу же окрестила «ностальгическим».

Оправдывая ожидания поборников турецких традиций, Х.Тайла отказался от каких-либо модернистских поисков образа современной мечети и в очередной раз обратился непосредственно к «золотому веку» османской архитектуры, воспроизведя многократно опробованную планировку, претворенную 20 годами ранее в Шишли-джами.

По проекту Тайла Анкара наконец-то получила «большую османскую мечеть» поистине имперского масштаба и дизайна. Зал мечети размером 67х64 м и два яруса галерей рассчитаны на 24 тыс. (!) молящихся, а купол диаметром 25,5 м поднят почти на 50 метров. Опираясь на собственный опыт реставратора и обильно черпая элементы конструкции и декорации из всего лексикона турецкого зодчества, автор Коджатеппе создал нормативный памятник «современной неоклассики».

Унаследованный от проекта В.Далокая, многоэтажный цоколь Коджатеппе не просто выравнивает строительную площадку на склоне холма, - он стал многофункциональным комплексом, в котором есть не только обычные для религиозных учреждений библиотека и конференц-зал, но также бизнес-центр, офисы административных ведомств, ресторанный дворик и большой торговый центр. Здание мечети перестает быть лишь местом молитвы и превращается в часть повседневной светской инфраструктуры прилегающих районов.

Минареты Коджатеппе перестали быть «ракетами» и превратились в традиционные «карандаши» - граненые столбы с высокими коническими завершениями, подчеркивающими центральный объем в композиции всего комплекса, доминирующего над

городом. Они сами стали главными городскими доминантами, а позже и официальной эмблемой турецкой столицы*. Однако сам факт строительства огромной мечети напротив мавзолея Аныткабир даже через два десятилетия расценивался как «провокация по отношению к светской республике» [3, р. 458; 7].

НЕЙТРАЛЬНАЯ АЛЬТЕРНАТИВА

Пожалуй, наиболее разрекламированный памятник современной мусульманской архитектуры Турции - мечеть Парламента (Меджлиса) в Анкаре (1989 г., арх. Б. и Дж. Чиниджи). Это - не общественная мечеть, доступ в нее возможен лишь для сотрудников и посетителей правительственных учреждений. Только во второй половине 1980-х гг. огромная территория Меджлиса в Анкаре обзавелась собственным зданием мечети вместо отдельных молельных комнат, и вопрос присутствия небольшого культового здания в ансамбле Парламента светской республики решался не как архитектурная, а как политическая проблема.

Постройка была оценена как «наиболее радикальная среди современных мечетей» и даже как «опровержение традиционной мечети». Она не имеет ни купола, ни минарета, ни ориентированной на Мекку стены, ни даже потолка в традиционном понимании [8], но при этом наполнена аллюзиями на исторические памятники самой Анкары.

Прекрасно осознавая «государственный статус» возводимой мечети и диапазон возможностей ее «прочтения», архитекторам пришлось искать предельно нейтральные формы, не обращенные ни в прошлое, ни в будущее, не отсылающие к национальной традиции и не символизирующие взаимоотношения государства и религии. Мечеть решена лишь как место молитвенного уединения и совершения ритуалов в обществе единоверцев, где и члены правительства, и технические сотрудники оказываются равны (что подается как подтверждение демократизма ислама).

* В 1995 г. старый герб Анкары, в котором использовался орнамент бронзовых изделий из Аладжахююк, был заменен на новый - белый силуэт мечети Коджатепе на синем щите.

Мечеть Коджатепе, Анкара (1967-1987, арх. Х. Тайла).

Парламентский квартал турецкой столицы находится недалеко от холма Коджатепе, и Большая мечеть, доминирующая над застройкой южной части города, прекрасно видна от меджлиса. Из-за затянувшегося строительства мечеть Коджатепе была открыта только в 1987 г., так что завершающие стадии двух знаковых для Анкары и самых знаменитых современных мечетей Турции: «ностальгически-неоклассической» Коджатепе и наиболее «радикальной» мечети Парламента - оказались практически синхронны, демонстрируя альтернативные варианты культовых зданий государственного значения.

ИСЛАМИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА, «ОСМАНИЗАЦИЯ» МЕЧЕТЕЙ

Строительство двух знаковых памятников шло на фоне усиливающейся исламизации турецкого общества в 1980-е гг. Одним из важных ее факторов стали социальные последствия послевоенной урбанизации - массовая миграция в промышленные города населения из сельских и горных районов Анатолии [9], где позиции традиционного ислама были и остаются более прочными, чем в мегаполисах на западе страны.

Внутренняя миграция неминуемо вызвала «традиционализацию» частной жизни, одной из сторон которой стали активность и популяризация бытовых проявлений ислама - публичность молитвы и мусульманских праздников, демонстративное ношение хиджабов, рост числа мусульман-

ских учебных заведений, обращение за решением вопросов не в официальные инстанции, а к имамам и муфтиям. Возродились суфийские тарикаты, официально распущенные в 1925 г.

Другим фактором оказалась политическая активность ислама: многие партии и общественные движения Турции сделали частью своей риторики апелляцию к традиционным ценностям, в качестве одной из которых выступал бытовое ислам, противопоставленный западной культуре. Консервативные политические течения 1970-х - 1980-х гг. стремились найти опору, прежде всего, в мусульманских общинах [2, Kupeev H.I., с. 324-333; White J.B., р. 361-363; 10]. Приход к власти в 1983 г. «Партии Отечество» (*Anavatan Partisi*) стал возможен благодаря блоку с националистскими и религиозными движениями, а последовавшие либеральные реформы Т.Озала привели как к активизации общественной деятельности исламских организаций, так и к сближению Турции с мусульманскими странами.

Одним из зримых следствий воздействия этих факторов стало резкое увеличение числа мечетей. В 1980-х гг. в Турции ежегодно возводилось до 1,5 тыс. мечетей [11]. От большинства этих зданий не приходилось ожидать особых архитектурных достоинств, поскольку они призваны, прежде всего, выполнять культовую функцию, служа местом коллективной молитвы, а не декларировать уникальность отношений го-

Мечеть Национальной ассамблеи, Анкара (1989, арх. Б. и Дж. Чиниджи).

сударства и религии, или выражать приверженность определенным историческим архитектурным стилям либо этапам национальной истории.

За редким исключением, тысячи мечетей последних двух десятилетий XX в. отвечают скромным и вполне логичным требованиям: «традиционно, дешево, вместительно». Коллективными заказчиками таких квартальных мечетей выступали анатолийские деревни, кварталы новостроек в небольших городах, а исполнителями, как правило, - небольшие частные архитектурные бюро, использующие типовые проекты и доступные материалы. В этом случае архитекторы варьируют несколько отработанных простых композиций и получают результаты, внешне напоминающие классические османские памятники.

Такие псевдоосманские «копии» составляют самую большую группу современных турецких мечетей, мало отличающихся друг от друга, и потому легко узнаваемых. Подобные памятники встречаются практически во всех населенных пунктах Турции.

В силу географической близости, традиционных религиозных связей и активного культуртрегерства именно турецких миссионеров ислама, а также знаковости образцов и отработанных строительных приемов, именно близкие к анкарской Коджатепе современные вариации османской мечети оказались востребованы на рубеже XX-XXI вв. при возведении мечетей в северокавказских республиках России: Юсуф бей-джами в Махачкале, «Сердце

Чечни» в Грозном. При строительстве мечетей в других регионах РФ также легко отметить тяготение именно к турецким образцам (например, мечеть Исмаил аль-Бухари в Верхней Пышме) [2, Киреев Н.Г., с. 383; 12].

«ЧАСТНЫЙ АВАНГАРД»

Было бы преувеличением сказать, что в современной мусульманской архитектуре Турции не существует памятников инновационной архитектуры, развивающих и трансформирующих представления о возможностях «неклассической» мечети. Правда, у «авангарда» в турецкой мечети конца XX - начала XXI вв. оказались две интересные особенности.

Во-первых, несмотря на большое число турецких архитектурных бюро, активность молодых архитекторов, успешно участвующих в международных конкурсах, и большое число архитектурных журналов, на страницах которых обсуждаются, в т.ч. довольно нетрадиционные проекты и концепции [13], обстоятельства заказа современной мечети по сравнению с 1960-ми гг. мало изменились. Строительство «ультрасовременных» мечетей в Турции зависит, прежде всего, от индивидуальной инициативы и ограничивается преимущественно частным заказом - клубным, корпоративным, иногда даже семейным. Место «нетрадиционным» культовым постройкам находится на территории промышленных и коммерческих комплексов, в кампусах университетов, в элитных пригородах и клубных поселках - там, где демонстрация приверженности исламу сочетается с позиционированием интеллектуальной свободы, а также на кладбищах, где строи-

тельство мечети преподносится как благотворительность, дар мусульманской общине.

Вторая особенность современной мечети Турции - обязательная обоснованность новаций прецедентами, ориентирование на знакомые, признанные и принятые общественностью образцы, причем не только исторического, но и совсем недавнего прошлого, апелляция к памятникам, которые уже вошли в историю архитектуры, даже на уровне отдельных элементов. Ориентирами для современной турецкой мечети стали не только османские памятники, но и, например, мечеть Парламента, отвергнутая, но не забытая Коджатепе В.Далокая и его же реализованный «пакистанский проект».

В ряде случаев современные турецкие архитекторы применяют отдельные элементы проектов Далокая и в «османизированных» мечетях, находя иной раз очень интересные решения совмещения «старого» и «нового».

В 2004-2010 гг. был реализован проект «клубной» мечети Йешилвади в элитном поселке Умрание в азиатской части Стамбула (арх. А.Козмаоглу). Здание представляет собой конструкцию из двух полукуполов разного размера, скрывающих в себе и молитвенный зал с балконами, и застекленное помещение, заменившее портик. Конструкция перекрытия роднит эту мечеть с проектом Коджатепе В.Далокая, размещение в цокольном этаже общественного центра и социальных служб поселка напоминает о Коджатепе Х.Тайла, сам же образ купольного здания с минаретом оказывается общим для всех традиционных турецких мечетей.

Этот же образ использован в мечети Шакирин (2009), построенной в стиле хай-тек на кладбище в стамбульском районе Усьюндар, считающемся одним из наиболее консервативных в религиозном отношении. Дизайн интерьера мечети, определивший всю ее архитектуру, выполнен З.Фадиллиоглу, известной проектами гостиничных комплексов, ресторанов и клубов, и «шаг» от сугубо светской, отельно-клубной к культовой архитектуре кажется для современной Турции весьма показательным. В одном из интервью художница говорила о своем стремлении «...создать такую атмосферу, в которой люди могли бы чувствовать себя уют-

Мечеть Шакирин, Стамбул (2009, арх. З. Фадилюглу, Х. Тайла).

но» [14] (что вполне оправданно для дизайнера клубных интерьеров). Прежде чем приступить к проекту, она консультировалась с теологами, социологами и даже с жителями Ускуда. Таким образом, автор не рассчитывала отойти от привычного образа мечети и была нацелена на создание не столько арт-объекта, сколько комфортного для молящихся культового пространства.

Архитектуру мечети Шакирин разрабатывал Х. Тайла - автор Коджатеппе в Анкаре. Однако образ Шакирин-джамии явно вдохновлен анкарской мечетью не Тайла, а Далокая: в стамбульском памятнике наконец-то стало возможным реализовать идею лишенной фасадов конструкции,

которую технически невозможно было осуществить в 1960-х гг. Следование архитектурному образу османской мечети определяют два элемента - купольный зал и двор. Восходя к образу купола, перекрытие мечети оказывается полушарием с отсеченными сегментами, а плоскости стен заполняются ажурными решетками, раздвигающими пространство мечети; в результате, интерьер открывается наружу, наполняется естественным светом и становясь доступным для обозрения извне, особенно при вечернем освещении, что роднит его с Парламентской мечетью.

ЧТО БЫЛО, ЧТО БУДЕТ...

Возникшая еще в 1940-х гг., идея «Большой мечети Анкары» привела к созданию двух «суперпроектов» - авангардной, а потому отвергнутой Коджатеппе В. Далокая, и традиционалистской Коджатеппе Х. Тайла. Каждый из этих проектов культового здания сам стал по-своему культовым. Первый, частично реализованный в Исламабаде, разошелся на архитектурные «цитаты» в построенных по частным заказам маленьких «клубных» мечетях, оправдывая их несхожесть с традицией. Второй, более отвечающий представлениям о визуальном во-

площении идеи «государственно-го ислама», оправдал появление массы «османизирующих» реплик и лег в основу репрезентативных мечетей Северного Кавказа и Поволжья.

Понятно, однако, что число современных цитат, которыми дополняется традиционная османская мечеть, не беспредельно. Мусульманское зодчество Турции, уже явно исчерпавшее потенциал «османизирующих» форм и теряющее к ним интерес, сталкивается с необходимостью расширения существующей шкалы поисков. Парламентская мечеть стала прекрасным источником архитектурных аллюзий, но и эти аллюзии уже потеряли свою новизну.

Картинки, которыми иллюстрируются статьи о будущем облике площади Таксим, демонстрируют различные грани понимания «современной турецкой мечети» - от очередного неоосманского здания до авангардистских концепций городского пространства. И если даже здание Большой мечети на стамбульском Таксима никогда не появится, то сама мифологема - «Мечеть на Таксима» - оказывается прекрасным поводом для нового архитектурного конкурса и появления нового смелого «суперпроекта», способного, подобно идеям Далокая, Тайла и Чиниджи, несколько десятилетий питать развитие мусульманской архитектуры Турции.

1. См., например: <http://ru.turkru.com/HaberDetay.asp?id=39706>; <http://umma.ua/ru/news/world/2013/09/23/22147>; <http://sunnappress.com/news/islamicworld/5509-sovremennaja-mechet-pojavitsja-v-stambulskom-rajone-taksim.html>; <http://stringer-news.com/publication.mhtml?Part=37&PubID=25987>

2. Подробнее см.: *Купеев Н.Г.* История Турции. XX век. М., 2007, с. 78, 169 (*Kireev N.G.* Istoriya Turtsii. XX vek. M., 2007) (in Russian); *White J.B.* Islam and politics in contemporary Turkey // *The Cambridge History of Turkey*. V. 4: Turkey in the Modern World. N.Y., 2008, p. 357.

3. *Bozdogan S.* Art and architecture in modern Turkey: the Republican period // *The Cambridge History of Turkey*. V. 4, p. 432; *Wilson C.* The persistence of Turkish nation at the mausoleum of Mustafa Kemal Atatürk // *Nationalism in a Global Era. The persistence of nations*. N.Y., 2007.

4. *Holod R., Khan H., Mims K.* The Contemporary Mosque. Architects, Clients and Designs since the 1950s. N.Y., 1997.

5. Подробнее см.: *Bernardsson M.T.* Visions of Iraq: Modernizing the Past in 1950s Baghdad // *Modernism and the Middle East. Architecture and Politics in the XX Century*. Seattle, L. 2008, p. 81; *Pyla P.* Baghdad's Urban Restructuring, 1958: Aesthetics and the Politics of National Building // *Ibid.*, p. 97.

6. *Shaw I.* Pakistan Handbook. Hong Kong, 1989, p. 213.

7. См. также: *Meeker M.* Once there was, once there wasn't:

national monuments and interpersonal exchange // *Rethinking Modernity and National Identity in Turkey*. Seattle. 1997.

8. *Al-Asad M.* The Mosque of the Turkish Grand National Assembly in Ankara: Breaking with Tradition // *Muqarnas*. 1999. V. XVI, p. 155, 161.

9. См., например: *The Problem of Internal Displacement in Turkey: Assessment and Policy Proposals*. Istanbul, 2005; *Icduygu A.* Turkey: demographic and economic dimension of migration // *Mediterranean Migration Report 2005*. Florence, 2005; *Ozbay F.* Migration and Intra-provincial Movements in Istanbul between 1985-1990 // *Bogazici Journal Review of Social, Economic and Administrative Studies*. 1997. V. 11, № 1-2.

10. См. также: *Islam in Modern Turkey: Religion, Politics and Literature in a Secular State*. L. 1991; *Yavuz H.* Islamic Political Identity in Turkey. N.Y., 2003.

11. *Ahmad F.* The Making of Modern Turkey. L., N.Y., 1993, p. 221.

12. См.: *Ибрагимов И.А.* Архитектура современных российских мечетей // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2011, № 2, с. 53 (*Ibragimov I.A.* Arkhitektura sovremennykh rosiyskikh mechetey // *Akademicheskii vestnik UralNIIProekt*. 2011, № 2) (in Russian).

13. Подробнее см.: *Yocel A.* Contemporary Architecture in Turkey // *Mimar*. 2001. V. 40.

14. <http://www.emlakkulisi.com> (13.05.2009)